
ТРЕНДЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ КАК СЛЕДСТВИЕ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА

Андрианов В. В.*

Мировые энергетические рынки на протяжении всей истории своего существования являлись крайне политизированными. В частности, рынок нефти в середине XX в. превратился в арену противостояния развитых стран-потребителей и развивающихся стран-производителей, взявших на вооружение принцип ресурсного национализма. Тем не менее рынки нефти и природного газа неуклонно двигались по пути глобализации. Это выражалось не только в диверсификации направлений экспорта и импорта энергетического сырья, но и в создании универсальных систем ценообразования, ценовых индексов, отраслевых технологических стандартов и т. д. Режим экономических санкций, используемых США и их союзниками против своих политических оппонентов, привел к тому, что под действием различных ограничительных мер оказались государства, производящие значительную часть нефтяного сырья и природного газа. Обострение санкционной войны становится причиной фрагментации глобальных рынков энергоносителей. Направления потоков сырья оказываются в зависимости от политических предпочтений тех или иных государств, формируются новые альянсы и союзы, основанные как на общности внешнеполитических ориентиров, так и на тесной кооперации в энергетической сфере.

Ключевые слова: глобализация, энергетика, нефть, санкции, ресурсный национализм, Азиатско-Тихоокеанский регион.

RESTRUCTURING OF WORLD ENERGY MARKET AS A CONSEQUENCE OF THE SANCTIONS POLICY OF THE COLLECTIVE WEST

World energy markets have been highly politicized throughout their history. In particular, the oil market in the middle of the 20th century turned into an arena of confrontation between developed consumer countries and developing producing countries that adopted the principle of resource nationalism. Nevertheless, the markets for oil and natural gas have moved steadily along the path of globalization. This was expressed not only in the diversification of the directions of export and import of energy raw materials, but also in the creation of universal pricing

* Андрианов Валерий Валентинович – к. полит. н., доцент Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: vvandrianov@fa.ru.

Valery V. Andrianov – Ph.D. in. Politology, Associate Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: vvandrianov@fa.ru.

systems, price indices, industry technological standards, etc. The regime of economic sanctions used by the United States and its allies against their political opponents has led to the fact that under the influence of various restrictive measures were states that produce a significant part of oil raw materials and natural gas. The aggravation of the sanctions war is causing the fragmentation of global energy markets. The directions of raw material flows depend on the political preferences of certain states, new alliances and unions are being formed, based both on common foreign policy guidelines and on close cooperation in the energy sector.

Keywords: *globalization, energy, oil, sanctions, resource nationalism, Asia-Pacific.*

Мировые энергетические рынки на протяжении всей истории своего существования характеризовались высокой степенью политизированности. Данная тенденция определяется, во-первых, крайне высокой зависимостью современных экономик и социальной сферы от энергетических ресурсов. Наличие доступа к дешевой энергии служит важнейшим фактором конкурентоспособности национальных экономик, а бесперебойное снабжение населения эклектической и тепловой энергией относится к первоочередным задачам инфраструктурной и социальной политики государства.

Во-вторых, высокая роль политического фактора в энергетической сфере обусловлена неравномерным размещением ресурсов углеводородного сырья по территории планеты. При этом крупнейшие центры потребления энергоресурсов обладают непропорционально малой их долей. Так, страны – члены Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), на которые приходится 51,5 % мирового потребления нефти, 47,7 % потребления газа и 29,5 % потребления угля, контролируют лишь 14,2 % общемировых запасов нефти, 9 % – природного газа и 44 % – угля [Юшков 2013: 30]. Подобная неравномерность способствует не только развитию трансграничной торговли энергоресурсами, но и порождает политические риски для ведущих держав и вынуждает их выстраивать политику национальной энергетической безопасности.

Ресурсный национализм против глобализма

Дефицит тех или иных ресурсов в одних регионах и странах и их переизбыток в других могут служить как основой для развития плодотворного международного сотрудничества, так и источником конфликтов. История развития мировых энергетических рынков наглядно продемонстрировала, как одна из этих тенденций может сменяться другой.

Интерес ведущих индустриальных держав мира к получению политического контроля над странами и регионами, располагающими значительными запасами энергоресурсов, начал активно проявляться уже в первые десятилетия XX в. Внешнеполитическая стратегия наиболее экономически развитых государств стала определяться максимой, приписываемой британскому адмиралу барону Джону Арбетноту Фишеру: «Кто владеет нефтью, тот правит миром!» [Ковнир, Мухаметшин 2012: 115]. Одной из целей политики западных держав стали ослабление и развал Османской империи, контролировавшей основные разведанные на тот момент запасы нефти в Восточном полушарии.

Борьба за нефтяные ресурсы уже в первой половине XX в. начала переходить в «горячую» фазу, провоцируя локальные вооруженные конфликты. Ярким примером может служить развязывание под давлением британской нефтяной корпорации Royal Dutch Shell и американского концерна Standard Oil так называемой Чакской войны между Боливией и Парагваем за перспективные нефтеносные территории [Иванов 2017].

Однако в полной мере нефтяной фактор глобальной политики проявился лишь после Второй мировой войны, которая по праву может быть названа войной моторов. Стало очевидным, что обладание углеводородными ресурсами является не только залогом экономического развития и повышения уровня жизни населения, но и необходимым условием обеспечения боеспособности армии и флота, и как следствие – всей системы национальной безопасности. Это предопределило повышенный интерес стран Запада к установлению контроля над углеводородными ресурсами за пределами своих территорий.

Вместе с тем борьба за «глобальное энергетическое господство», по сути, совпала по времени с крахом мировой колониальной системы, что затруднило странам Запада достижение их целей. Освобождение из колониальной зависимости стран Африки и Азии привело к росту национального самосознания во многих государствах третьего мира, включая страны, обладающие крупнейшими запасами углеводородных ресурсов.

И именно доступ к нефтяным месторождениям стал тем козырем, который страны третьего мира могли использовать в ходе противостояния с бывшими колонизаторами с целью защиты своих экономических и политических интересов. Как следствие, к концу 1960-х – началу 1970-х гг. в ряде нефтедобывающих государств сформировалась политика, получившая впоследствии обобщенное название «ресурсный национализм». По определению доктора экономических наук, профессора В. Б. Кондратьева, «ресурсный национализм является стратегией, при которой государство использует экономическую политику для максимизации национальных выгод от ресурсных отраслей» [Кондратьев 2015: 8]. Как справедливо отмечает политолог К. Ю. Рогов, «под ресурсным национализмом обычно понимают политику национализации нефтяной отрасли» [Рогов 2014].

В целом соглашаясь с такими характеристиками, вместе с тем необходимо подчеркнуть и иной, политический вектор рассматриваемого явления. Безусловно, установление жесткого государственного контроля над сырьевыми отраслями при определенных обстоятельствах может привести к укреплению национальных экономик и росту бюджетных доходов. Но нельзя сбрасывать со счетов и такую важную цель ресурсного национализма, как желание разговаривать на равных с бывшими колонизаторами, ведущими экономически развитыми державами, и даже отчасти оказывать на них давление. Стремление к равноправному диалогу отражает не только и не столько амбиции укрепившихся национальных элит государств третьего мира, сколько именно объективный процесс роста политического самосознания новых акторов глобальной политики, их закономерное желание быть услышанными как при решении вопросов энергетической политики, так и в более широком контексте – при определении глобальной повестки развития.

Такая трактовка не претендует на абсолютную новизну, политический аспект ресурсного национализма неоднократно рассматривался в исследованиях ученых-политологов. В частности, К. Ю. Рогов в уже цитированной статье отмечает:

«Под ресурсным национализмом мы подразумеваем авторитарную консолидацию, сопутствующую нефтяному буму и национализации нефтяной промышленности, оперирующую идеями частичной автаркии, форсированного антизападничества и борьбы за региональное лидерство» [Рогов 2014].

Следует, однако, поставить под сомнение тезисы относительно «авторитарной консолидации» и «форсированного антизападничества». По мнению автора данной статьи, не существует какой-либо наблюдаемой корреляции между уровнем «демократичности» того или иного национального правительства и проводимой им политикой ресурсного национализма. В качестве примера можно привести стратегию «нефтяного пятиугольника», реализовывавшуюся правительством президента Венесуэлы (1959–1964) Ромуло Бетанкура. Именно этот демократический лидер, пришедший на смену диктатору Пересу Хименесу, начал, в отличие от своего предшественника, проводить политику по укреплению роли государства в нефтяной сфере [Андрианов 2005: 45].

Что же касается «форсированного антизападничества», то такое определение, на взгляд автора, также является неоправданным расхожим клише, применяемым по отношению к ресурсному национализму. Скорее, оно отражает взгляд на данную политику именно со стороны западного истеблишмента, недовольного тем, что у него появилось неожиданное препятствие на пути получения контроля над львиной долей мировых запасов энергетического сырья.

Здесь наиболее адекватной представляется оценка К. В. Симонова, который отмечает: «Долгие годы мейнстримом было обвинение экспортеров в том, что они используют свои ресурсные возможности для достижения политических целей... Сформировалась концепция так называемого “ресурсного национализма”. Она предполагала дихотомическое разделение мира на два условных лагеря. Владельцы ресурсов противопоставлялись их потребителям... Самое главное, что в таком разделении виделась основа для шантажа. Получалось, что экспортеры нефти и газа “держат за горло” их импортеров. И в любой момент могут применить “энергетическое оружие”. А именно требовать каких-то политических уступок под угрозой ограничения поставок жизненно необходимых энергоносителей. Хотя понятно, что основные политические инструменты были все же у экономически развитых стран. Но импортеры углеводородов все равно стали панически бояться, что владельцы ресурсов начнут использовать энергетику как способ наращивания политических мышц» [Симонов 2020: 26].

Делая вывод, можно констатировать, что в период 1950–1970-х гг. фактически оказались сорваны планы по созданию условно глобального рынка энергоресурсов. Под глобализацией в тот период понималось обеспечение беспрепятственного доступа развитых западных держав к энергетическим ресурсам стран третьего мира. Однако такой доступ был затруднен в связи со стремлением последних к соблюдению своих экономических и, что немаловажно, политических интересов. В результате в проект глобализации пришлось вносить серьезные коррективы.

От нефтяных шоков к глобальному рынку

Импульсом для пересмотра параметров энергетической политики коллективного Запада стали два важнейших фактора, определивших расклад сил на гло-

бальном нефтяном рынке. Первым из них стало создание в 1960 г. Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК). Формирование наднациональных экономических структур, бесспорно, служит важнейшим инструментом глобализации. Однако в данном конкретном случае учреждение ОПЕК послужило символом глубокого разлома – не только экономического, но и политического – между развитыми и развивающимися государствами. По сути, в глобальной энергетике в противовес коллективному Западу начал формироваться «коллективный Юг». А «новорожденная» ОПЕК стала не просто неким координирующим органом, а реальным политическим оппонентом западного мира.

Вторым фактором, заставившим Запад изменить свой взгляд на энергетическую политику, стали ценовые шоки 1970-х гг. Избегая подробного рассказа об этих широко известных событиях, ограничимся лишь упоминанием о том, что в 1973 г. ряд арабских стран ввел эмбарго на поставки нефти в государства, которые поддержали Израиль в ходе так называемой войны Судного дня. А в 1979 г. к аналогичным мерам прибег Иран, в котором была свергнута власть шаха. В данных событиях легко усмотреть то самое «использование нефтяного оружия» или «энергетический шантаж», в котором коллективный Запад столь часто упрекал «коллективный Юг». Однако подобные крайние меры – в виде эмбарго на поставки нефтяного сырья – стали лишь квинтэссенцией усилий стран третьего мира по донесению своей позиции до мировых гегемонов в лице США и их союзников. И это удалось сделать лишь в столь жесткой форме.

Парадоксальным образом эти пики конфронтации послужили поворотным моментом в процессе глобализации мировых энергетических рынков. Выводы, сделанные коллективным Западом из демарша стран – экспортеров нефти, были разносторонни и многообразны. В целях обеспечения своей энергетической безопасности страны – члены ОЭСР приступили к активной разработке углеводородных месторождений за пределами ОПЕК, начали поиски новых альтернативных источников энергии. И вместе с тем к ним пришло осознание необходимости поиска определенных компромиссов с «коллективным Югом». В частности, США были вынуждены искать компромисс с ближневосточными монархиями, чтобы избежать повторения подобных эксцессов в дальнейшем. В результате между Эр-Риядом и Вашингтоном возник стратегический альянс, не в последнюю очередь базирующийся на энергетической составляющей.

Периодически на фоне очередного роста нефтяных котировок со стороны США звучат обвинения в адрес Саудовской Аравии и ОПЕК, вплоть до угроз признания данного картеля «мировым монополистом» со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями (такой дискурс вновь активизировался в начале октября 2022 г. в связи с решением альянса ОПЕК+ о сокращении добычи на 2 млн баррелей в сутки). Вместе с тем, по мнению автора, данные атаки носят скорее демонстративный и ритуальный характер и не способны подорвать долгосрочное сотрудничество двух стран. Даже громкие скандалы, связанные с нарушением прав человека в КСА и предполагаемой причастностью саудитов к терактам 11 сентября, не смогли подорвать союз, основанный не в последнюю очередь на общих интересах в сфере энергетики, на долгосрочном взаимодействии крупнейшего поставщика и ведущего производителя углеводородных ресурсов.

Аналогичная политика проводилась и по отношению к другому крупнейшему поставщику углеводородного сырья – Венесуэле. Исторически отношения этой латиноамериканской страны с крупнейшим потребителем нефти – Соединенными Штатами – характеризуются перемежающимися периодами потепления и похолодания, в зависимости от политического курса, проводимого правительством Венесуэлы. Вместе с тем даже на фоне серьезных политических расхождений обе стороны ранее всегда стремились к сохранению партнерских отношений в нефтяной сфере, выразившихся в бесперебойных поставках венесуэльской нефти на американский рынок. Приход к власти в Венесуэле в 2002 г. представителя левых сил Уго Чавеса не поколебал данный принцип. Несмотря на всю свою антиамериканскую риторику и антиимпериалистическую политику, Чавес всегда подчеркивал необходимость обеспечения энергетическим сырьем «братского американского народа» [Андрианов 2022: 54].

Иными словами, на новом этапе развития мировой энергетики, в период после нефтяных шоков, вопросы политики были во многом вынесены за скобки при выстраивании взаимоотношений между коллективным Западом и «коллективным Югом». Это создало предпосылки для формирования действительно глобального рынка нефти (а впоследствии – и глобального рынка газа), характеризующегося свободным движением товарных потоков и наличием наднациональных, международных институтов регулирования торговли.

Новые рычаги влияния

С производственно-технологической точки зрения подобная глобализация была обеспечена, с одной стороны, увеличением количества стран – производителей нефтяного сырья и вводом в эксплуатацию новых нефтеносных регионов. Причем данная тенденция была характерна как для развивающихся стран (в число нефтедобывающих стран вошли, к примеру, такие африканские государства, как Нигерия и Ангола), так и для развитых держав – членов ОЭСР. В частности, началась активная разработка месторождений нефти в Северном море и эксплуатация так называемых нефтяных песков Канады.

С другой стороны, глобализации энергетических рынков способствовало развитие технологий транспортировки сырья, – прежде всего появление крупных и гигантских нефтяных танкеров (Ultra-large crude carrier вместимостью до 2 млн баррелей нефти), а затем и судов для перевозки сжиженного природного газа (СПГ).

Помимо технологического аспекта, важнейшую роль в процессе глобализации энергетических рынков (в правую очередь нефтяного) сыграли финансово-экономические инструменты. «В конце 70-х гг. возникли и впоследствии резко расширились биржевые операции с жидким топливом, сначала на Нью-Йоркской товарной и затем (с середины 80-х гг.) на Лондонской международной нефтяной биржах, являющихся сегодня основными центрами торговли фьючерсными нефтяными контрактами в Западном и Восточном полушариях. Резкие колебания цен на нефть послужили толчком для привнесения в международную торговлю нефтью механизмов управления рисками. Это привело к появлению на рынке нефти менеджеров финансового рынка. Они принесли на рынок нефти технику управления рисками, применявшуюся на финансовых рынках – технику биржевых операций

на рынках ценных бумаг. Чем больше инструментов управления рисками оказывается в распоряжении нефтяных компаний и других участников нефтяного рынка, тем более сложной становится структура последнего», – отмечает доктор экономических наук, профессор А. А. Конопляник [2000: 79].

Глобализации мировой торговли способствовало также формирование так называемых маркерных сортов нефти, приведшее к унификации системы торговли сырьем. Было создано три таких маркерных сорта: Brent, West Texas Intermediate (WTI) и Dubai Crude. Именно котировки данных сортов определялись в ходе торгов на основных фондовых площадках, в то время как стоимость всех прочих сортов (включая российскую смесь Urals) оказывалась привязана к котировкам данных маркеров.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что реальный контроль над данными «инструментами глобализации» мировой нефтяной торговли оставался в руках западных государств-лидеров. Так, поскольку более 50 % торговли нефтяным сырьем осуществлялось через Нью-Йоркскую товарную биржу (NYMEX) и Лондонскую межконтинентальную биржу (ICE Futures Europe), цены на нефть оказались в прямой зависимости от спекулятивных факторов и отныне определялись не балансом спроса и предложения, а в первую очередь общими тенденциями на фондовых рынках западных стран.

В свою очередь, маркерные сорта превратились в удобный инструмент манипулирования ценообразованием. В частности, поскольку месторождение Brent, давшее название европейскому маркеру, практически истощено, в так называемую «корзину Brent» было включено сырье других месторождений, на основании по сути политических решений европейских стран. Привязка стоимости национальных сортов нефти к маркерным сортам осуществляется на основании индексов, разрабатываемых крупнейшими западными информационно-консалтинговыми компаниями, такими как Argus и S&P Global Platts, и также характеризуется отсутствием прозрачности.

Иными словами, противостояние коллективного Запада и «коллективного Юга» в нефтяной сфере продолжилось, но оно уже не перерастало в открытую политическую конфронтацию, а велось финансово-экономическими методами и в целом не препятствовало процессу глобализации нефтяных рынков (а в некотором роде и способствовало ей).

В качестве еще одного инструмента глобализации можно выделить внедрение международных технических стандартов в нефтяной отрасли. При этом ведущую роль в продвижении таких стандартов играют организации, функционирующие в западных странах, и в первую очередь – Американский нефтяной институт (American Petroleum Institute, API). «Американский институт нефти с 1924 г. играет ключевую роль в определении и поддержании стандартов в мировой нефтегазовой промышленности. Наша работа помогает отрасли внедрять инновации и производить высококачественные продукты на постоянной основе, предоставлять критически важные услуги, поддерживать справедливые условия как для компаний, так и для потребителей, и способствует принятию продуктов и практик по всему миру. Стандарты повышают безопасность промышленной деятельности, обеспечивают качество, снижают затраты, сокращают отходы и устраняют путаницу. Они ускоряют процесс принятия и вывода продуктов на рынок и позволяют

избежать необходимости изобретать велосипед при производстве каждого нового продукта», – отмечается на официальном сайте API [Стандарты].

Однако внедрение стандартов Американского нефтяного института имеет и негативную сторону. Де-факто происходит формирование технологической зависимости стран – производителей нефти от ведущих технологически развитых держав, в первую очередь от США. Практически все нефтегазовые компании, реализующие добычные проекты – как международные нефтегазовые корпорации (МНК, или так называемые мейджоры), так и национальные нефтегазовые компании (ННК) развивающихся стран, – вынуждены ориентироваться на стандарты API при приобретении нефтегазового оборудования и создании отраслевых промышленных объектов. Для стран, не имеющих собственных предприятий по выпуску нефтегазового оборудования, данная зависимость неизбежна и в целом приемлема. Но для государств, обладающих соответствующими производственными мощностями, в первую очередь России, широкое внедрение стандартов API означает попадание в технологическую зависимость от зарубежных государств. Они сталкиваются с необходимостью адаптации как собственных стандартов, так и всей промышленности к требованиям API, производители нефтегазового оборудования вынуждены проходить долгую и сложную процедуру сертификации своей продукции на соответствие стандартам, выработанным в США. По сути это ведет к получению западными компаниями необоснованных преимуществ в конкурентной борьбе. Следовательно, данный инструмент глобализации также работает в первую очередь в интересах Запада.

Можно подытожить, что финансовая и технологическая глобализация в интересах узкого круга западных стран-бенефициаров стала ответной реакцией на ресурсный национализм стран – производителей нефти. Который, со своей стороны, с середины 1980-х гг. выражался уже не в политическом давлении на потребителей и не в провоцировании нефтяных шоков, а в стремлении к максимизации прибыли от реализации добычных проектов путем повышения налогов на транснациональные нефтегазовые корпорации.

Одновременно начался активный процесс глобализации газового рынка, обусловленный широким использованием новых технологий сжижения и регазификации природного газа, а также транспортировки СПГ. Первая отгрузка СПГ на экспорт состоялась в 1964 г. с завода в г. Арзеве (Алжир). Однако потребовался длительный период для того, чтобы международная торговля сжиженным газом стала важным фактором глобального энергетического рынка. За последнее десятилетие ее объемы значительно выросли – с 328,3 млрд м³ в 2011 г. до 516,2 млрд м³ в 2021 г. [Statistical... 2022: 35]. Бурное развитие СПГ-индустрии привело к тому, что страны-потребители перестали зависеть исключительно от трубопроводных поставок природного газа, привязывавших их к определенному ограниченному кругу поставщиков, и смогли закупать газовое сырье в других странах и регионах, зачастую крайне отдаленных от их государственных границ.

От глобализации – к новым альянсам

Однако приходится констатировать, что в последние годы ярко проявилась противоположная тенденция, связанная с деглобализацией мировой энергетики.

Термин «деглобализация» в должной мере не прояснен в научной литературе. В контексте данной статьи под деглобализацией понимается разрыв ранее сложившихся экономических связей в энергетической сфере вследствие нарастания политических противоречий между группами стран. Таким образом, не ставя под сомнение объективно-исторический характер глобализации в широком понимании этого термина, автор сконцентрируется на анализе негативных тенденций, связанных с торможением (и отчасти движением вспять) процессов международной интеграции в области топливно-энергетического комплекса.

Как отмечалось ранее, причиной некоего консенсуса между странами-производителями и государствами – потребителями углеводородного сырья, достигнутого в 1980–1990-е гг., стал высокий уровень зависимости последних от внешних поставок энергоносителей. И нарушение этого хрупкого баланса оказалось возможным только вследствие снижения данной зависимости.

Необходимо отметить, что лидер западного мира – Соединенные Штаты Америки – обеспечил реальное снижение такой зависимости. Это произошло вследствие так называемой сланцевой революции сначала в газовой, а затем и в нефтяной индустрии, базирующейся опять-таки на ряде новых технологических подходов. В результате разработки сланцевых месторождений с использованием технологии гидроразрыва пласта и на базе комплекса мер государственной поддержки добыча нефти в США увеличилась с 346,4 млн тонн в 2011 г. до 711,1 млн тонн в 2021 г. Тем самым Соединенные Штаты вышли на первое место в мире по производству жидких углеводородов, обогнав Россию (536,4 млн тонн в 2021 г.) и Саудовскую Аравию (515 млн тонн) [Statistical... 2022: 15]. Добыча газа в США выросла за тот же период с 617,4 млрд до 934,2 млрд м³ (также первое место в мире) [Там же: 29]. В результате США добились превышения добычи над внутренним потреблением (826,7 млрд м³ в 2021 г.) по газу и приблизились к уровню самообеспечения по нефти.

Сланцевая революция привела к важным политическим подвижкам. США, кардинально снизив свою зависимость от внешних поставок углеводородного сырья, получили свободу маневра при выстраивании взаимоотношений со странами – производителями нефти и газа. Если ранее наличие в той или иной стране или регионе запасов углеводородов и возможностей их внешних поставок само по себе являлось основой для повышенного внимания со стороны Вашингтона и поводом для выстраивания отношений с потенциальным экспортером, то теперь США получили возможность выбора. И критерием для такого выбора служат не только экономическая и логистическая целесообразность поставок, но и политические факторы. Иными словами, Соединенные Штаты теперь могут осуществлять закупки недостающих объемов нефти только у стран, выступающих стратегическими партнерами лидера западного мира.

Подобная энергетическая самодостаточность позволила США использовать то самое «энергетическое оружие», в применении которого в прежние десятилетия активно упрекались страны – производители нефти. Путем введения санкций против тех или иных нефтедобывающих государств Вашингтон стремится достичь своих политических целей, тем самым разрушая ранее достигнутый негласный компромисс между коллективным Западом и «коллективным Югом» в области обеспечения энергоресурсами. Одновременно нарушается и производствен-

ный баланс энергетических рынков, разрушаются десятилетиями выстраивавшиеся логистические цепочки, что приводит к деглобализации энергетического сектора.

Уже к началу 2020 г., по подсчетам доцента кафедры экономики РЭУ им. Г. В. Плеханова Ольги Лебединской, под американскими санкциями находились треть мировых запасов нефти и пятая часть добычи, которая приходится на Иран, Венесуэлу и Россию [Треть... 2019]. Ситуация усугубилась после начала специальной военной операции на Украине, о чем будет упомянуто далее.

Возникает вопрос: почему в кильватере американской санкционной политики столь смело следует Европа, по-прежнему имеющая крайне высокую зависимость от внешних поставок энергоресурсов и заинтересованная в формировании глобальных, лишенных искусственных барьеров энергетических рынков? В данном случае можно говорить о навязанной европейскому общественному мнению ложной надежде на скорое достижение энергетической независимости региона.

В качестве альтернативы проекту глобализации энергетических рынков был выдвинут проект так называемого энергоперехода, заключающийся в ускоренном снижении потребления углеводородного сырья в пользу возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и водорода.

Энергетическая компания BP, традиционно выступающая в роли одного из ведущих аналитических центров мирового ТЭК, разработала ряд сценариев энергоперехода. Так, согласно сценарию быстрого энергоперехода к низкоуглеродной энергетике (Rapid), мировой спрос на жидкое топливо, включая нефть и биотопливо, к 2050 г. сократится почти вдвое и составит менее 55 млн барр./сут. Доля нефти в мировом энергетическом балансе снизится с нынешней трети до 14 %. При более консервативном сценарии (Business-as-usual) развитие отрасли продолжится по традиционной модели, в итоге мировой спрос на нефть достигнет плато в течение нескольких лет на уровне около 100 млн баррелей в сутки. В целом же в течение 30 лет падение спроса на нефть по этому сценарию составит 10 %. Наиболее радикальный сценарий безуглеродной энергетике (Net Zero) предусматривает, что спрос на нефть будет ежегодно падать примерно на 3 млн барр./сут. к 2025 г. и на 2 млн барр./сут. к 2050 г. Совокупно потребление нефти сократится на 80 % в ближайшие 30 лет. Таким образом, согласно сценариям Rapid и Net Zero, спрос на нефть никогда больше не восстановится до уровня, существовавшего до пандемии, и пик спроса в 100 млн баррелей в сутки уже был пройден в 2019 г. [BP... 2020].

Прогнозы относительно быстрого падения спроса на нефть, а впоследствии и на газ, многократно подвергались обоснованной критике, анализ тезисов которой выходит за рамки данной статьи. Более того, события 2021–2022 гг. свидетельствуют о том, что мир не только не отказывается от ископаемых источников энергии, но и испытывает их жесткий дефицит, в результате чего растет доля в энергобалансах даже такого «экологически грязного» топлива, как уголь.

В этой связи есть основания утверждать, что проект глобального энергоперехода является не только слабо технологически и экономически проработанным, но и политически ангажированным. Он преследует две цели. Во-первых, он призван разрушить тот вышеописанный «паритет интересов» между коллективным Западом и «коллективным Югом», который базировался на поставках нефтяного

сырья. По сути, вместо прежнего альянса предлагается новый вариант колониализма. Энергопереход – крайне дорогостоящий и технологически сложный процесс, и его реализация возможна (хотя тоже в ограниченных масштабах) лишь в богатых странах Запада. Страны же Юга, ранее выступавшие в роли поставщиков энергии для Запада, теперь сами попадают в энергетическую зависимость от своих бывших колонизаторов, располагающих технологиями и инвестициями для энергоперехода.

Во-вторых, менее явная цель энергоперехода, не вполне осознаваемая всеми его адептами, – это навязывание Европе вышеупомянутых ложных стереотипов и тем самым разрушение энергетического альянса между Европой и Россией. Бурный экономический рост Европы в 1970–1980-е гг. – это закономерный результат широкого энергетического сотрудничества с СССР, который зарекомендовал себя как самый надежный поставщик нефти и газа в Европу. Такая ситуация наносила ущерб экономическим интересам США. Главным экономическим конкурентом США являются не СССР/Россия и даже не Китай и другие «азиатские тигры», а именно Европа с ее высокими технологиями, наработанными компетенциями и культурой производства. Поэтому со стороны США на протяжении последних десятилетий предпринимались попытки «отключить» Европу от российских нефти и газа и тем самым подорвать ее экономический потенциал, повысить себестоимость производства и сделать продукцию европейских компаний неконкурентоспособной. Наряду с дискредитацией России как надежного поставщика энергоресурсов, еще одним инструментом данной политики стало навязывание Европе идей энергоперехода под лозунгом необходимости борьбы с изменениями климата.

Однако в 2021 г. стратегия энергоперехода полностью себя дискредитировала. Недостаточная сила ветра и малое количество солнечных дней привели к тому, что выработка электроэнергии на объектах ВИЭ значительно сократилась и странам Европы пришлось наращивать потребление газа и даже угля [Энергопереход... 2021]. И хотя Европа сохраняет свои цели в области энергоперехода и продолжает ввод в эксплуатацию объектов ВИЭ, градус зеленой риторики в последние месяцы существенно снизился. К европейской общественности, вопреки позиции официальных властей, приходит осознание необходимости сохранения опоры на ископаемые источники энергии, а также энергетического партнерства с Россией.

По мнению автора, именно не вполне удачные попытки США нарушить сотрудничество РФ и Европы в сфере энергетики стали одной из причин нового этапа санкционной войны против России, развернутого в 2022 г. и значительно превосходящего по своей интенсивности все предыдущие. По расчетам главного директора по энергетическому направлению фонда «Институт энергетики и финансов» Алексея Громова, под санкциями или их угрозой оказались 60 % российской экспортной нефти и более чем 70 % нефтепродуктов [В России... 2022].

Обострение санкционной войны ведет, с одной стороны, к тяжелым экономическим последствиям и для стран-производителей, и даже в большей мере – для стран – потребителей энергоресурсов (в первую очередь для Европы), а с другой стороны, становится причиной фрагментации глобальных рынков энергоносителей. Направления потоков сырья оказываются в зависимости от политических предпочтений тех или иных государств, формируются новые альянсы и союзы,

основанные как на общности внешнеполитических ориентиров, так и на тесной кооперации в энергетической сфере.

В то же время разрушаются и иные инструменты глобализации энергетических рынков. В частности, в последнее время оказалась де-факто разрушенной система мировых цен на нефть. Одно и то же сырье в разных регионах мира может иметь различную стоимость, обусловленную исключительно политическими факторами. Вследствие введения санкций значительные объемы российской нефти были перенаправлены на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), где они реализовывались со значительной скидкой по сравнению с котировками эталонных сортов, установившимися на ведущих международных биржах.

Так, в июле 2022 г. размер данных скидок держался на уровне 32–35 долларов за баррель, при этом стоимость российского сорта Urals колебалась в диапазоне 70–90 долларов [Скидка... 2022]. В отечественных СМИ принято упоминать о «дисконте», с которым якобы реализуется российская нефть в Азии. На самом же деле можно с уверенностью говорить о фрагментации глобального рынка нефти и формировании двух изолированных ценовых систем.

Котировки международных бирж окончательно перестали отражать экономические реалии и баланс глобального спроса и предложения, спекулятивная составляющая деятельности глобальных торговых площадок получила полный и окончательный приоритет. На фоне антироссийских санкций начался искусственный разгон нефтяных цен в условиях, когда на мировом рынке не существует дефицита предложения сырья. Можно утверждать, что западных потребителей заставляют платить «премию за политические риски» или же «премию за санкции». В то же время в регионе АТР российская нефть реализуется по равновесным ценам, отражающим баланс спроса и предложения и устраивающим как продавца, так и покупателя (и весьма близким к уровню цен, установившемуся в мире перед пандемией). Аналогичная ситуация возникала ранее также в отношении иранской и венесуэльской нефти, которая поставлялась в ряд стран (в первую очередь в Китай) в обход западных санкций и по более низкой цене, чем мировые нефтяные котировки. После введения санкций против России этот «серый сегмент» мирового рынка существенно расширяется и, по сути, выходит из «серой зоны», превращаясь в самостоятельную систему международной торговли энергоресурсами.

Одновременно ставится под большое сомнение целесообразность дальнейшего сохранения вышеописанных финансовых (и даже технологических) инструментов глобализации – маркерных сортов, международных торговых площадок, ценовых индексов, стандартов API. Они более не могут претендовать на роль единственных и универсальных механизмов управления мировым рынком в интересах Запада.

По мере усиления санкционного давления на Россию данная тенденция будет лишь нарастать.

В результате описанных процессов РФ может стать ядром нового формирующегося энергетического союза, включающего в себя Китай, Индию, Иран и другие страны, подвергающиеся политическому давлению со стороны коллективного Запада. Первоочередной задачей в этой связи является создание новых логистических цепочек (сооружение новых нефте- и газопроводов, развитие танкерного флота), налаживание тесного сотрудничества в технологической сфере между

странами – членами альянса (в частности, возможна тесная кооперация России и Ирана в разработке крупнотоннажных технологий сжижения газа). Взаимовыгодное сотрудничество в энергетической сфере, с одной стороны, сформирует благоприятные условия для ускорения экономического роста стран АТР и других государств, примкнувшим к вышеупомянутому альянсу. А с другой стороны, послужит основой для укрепления политического и военного взаимодействия между Россией и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности – на базе Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

В то же время подобная деглобализация мирового энергетического рынка приведет к тяжелым экономическим и политическим последствиям для Запада, отрезет его от значительной доли поставок углеводородного сырья, станет причиной повышения цен на энергоносители и периодически возникающих энергетических кризисов. Как следствие, страны Запада, в первую очередь Европа, могут вступить в полосу существенной политической турбулентности.

Литература

Андрианов В. В. Влияние нефтяного фактора на внешнюю политику Венесуэлы: дис. ... канд. полит. наук. М. : Ин-т Латинской Америки РАН, 2005.

Андрианов В. В. Взгляд на Юг: США активизируют южноамериканский вектор своей энергетической политики // Энергетическая политика. 2022. № 8. С. 50–69.

В России обнаружили проблемы более чем с половиной российской экспортной нефти [Электронный ресурс] : Lenta.ru. 2022. 28 сентября. URL: <https://lenta.ru/news/2022/09/28/oil/> (дата обращения: 28.09.2022).

Иванов П. В. Осознанное бездействие мирового сообщества как катализатор при возникновении геноцида // Африка: устойчивое развитие и дипломатия диалога: сб. статей / под ред. Н. С. Кирабаева, Л. В. Пономаренко, В. И. Юртаева, Е. А. Долгинова. М. : РУДН, 2017. С. 75–89.

Ковнир В. Н., Мухаметшин Э. А. Нефть как ведущий природно-экономический фактор развития современной экономики // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2012. № 8. С. 110–116.

Кондратьев В. Б. Ресурсный национализм // Горная промышленность. 2015. № 5. С. 8–15.

Конопляник А. А. Эволюция структуры нефтяного рынка // Нефть России. 2000. № 4. С. 76–81.

Рогов К. Ю. Ресурсный национализм – от ЮКОСа до Крыма [Электронный ресурс] : Ведомости. 2014. 8 октября, 15 октября. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/10/15/resursnyj-nacionalizm-ot-yukosa-do-kruma> (дата обращения: 26.09.2022).

Симонов К. В. От «ресурсного национализма» к «молекулам свободы» и «зеленой» революции // Энергетическая политика. 2020. № 8. С. 24–35.

Скидка на российскую нефть Urals снизилась примерно вдвое [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2022. 12 сентября. URL: <https://ria.ru/20220912/neft-1816338657.html> (дата обращения: 28.09.2022).

Стандарты [Электронный ресурс] : American Petroleum Institute. URL: <https://www.api.org/products-and-services/ru/standards#:~:text=Институт%20API%20был%20создан%20в,консенсусных%20стандартов%20в%20нефтегазовой%20промышленности> (дата обращения: 26.09.2022).

Треть мировых запасов нефти находится под санкциями США, заявила эксперт [Электронный ресурс] : РИА Новости. 2019. 29 октября. URL: <https://ria.ru/20191029/1560329773.html> (дата обращения: 28.09.2022).

Энергопереход пошел не по плану [Электронный ресурс]: Ведомости. 2021. 15 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/09/14/886670-energo-perehod-planu> (дата обращения: 07.10.2022).

Юшков И. В. О роли энергетических ресурсов в международных конфликтах будущего // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 2. С. 28–37.

BP Energy Outlook 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf> (дата обращения: 28.09.2022).

Statistical Review of World Energy 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (дата обращения: 26.09.2022).

References

Andrianov V. V. Vliyanie neftyanogo faktora na vneshnyuyu politiku Venesuely [Influence of the Oil Factor on the Foreign Policy of Venezuela]: Ph.D. dissertation in Political Science. Moscow : Institute of Latin America of RAS, 2005.

Andrianov V. V. Vzglyad na Yug: SSHA aktiviziruyut yuzhnoamerikanskiy vektor svoey energeticheskoy politiki [Looking to the South: The United States is Activating the South American Vector of its Energy Policy] // Energeticheskaya politika. 2022. No. 8. Pp. 50–69.

V Rossii obnaruzhili problemy bolee chem s polovinoй rossiyskoy eksportnoy nefti [Problems Discovered in Russia with More than Half of Russian Export Oil] // Lenta.ru. 2022. 28 September. URL: <https://lenta.ru/news/2022/09/28/oil/> (accessed: 28.09.2022).

Ivanov P. V. Osoznannoye bezdeystviye mirovogo soobshchestva kak katalizator pri vozniknovenii genotsida [On the Conscious Inaction of the World Community as a Catalyst in the Event of Genocide] // Afrika: ustoychivoe razvitiye i diplomatiya dialoga [Africa: Sustainable Development and Diplomacy of Dialogue]: collection of articles / ed. by N. S. Kirabayev, L. V. Ponomarenko, V. I. Yurtayev, E. A. Dolginov. Moscow : RUDN, 2017. Pp. 75–89.

Kovnir V. N., Muhametshin E. A. Neft' kak vedushchiy prirodno-ekonomicheskij faktor razvitiya sovremennoy ekonomiki [Oil as a Leading Natural and Economic Factor in the Development of the Modern Economy] // Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova. 2012. No. 8. Pp. 110–116.

Kondratiev V. B. Resursnyy natsionalizm [Resource Nationalism] // Gornaya promyshlennost'. 2015. No. 5. Pp. 8–15.

Konoplyanik A. A. Evolyutsiya struktury neftyanogo rynka [The Evolution of the Structure of the Oil Market] // Neft' Rossii. 2000. No. 4. Pp. 76–81.

Rogov K. Yu. Resursnyy natsionalizm – ot YUKOSa do Kryma [Resource Nationalism – from Yukos to Crimea] // Vedomosti. 2014. October 8, October 15. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/10/15/resursnyj-natsionalizm-ot-yukosa-do-kryma> (accessed: 26.09.2022).

Simonov K. V. Ot “resurnogo natsionalizma” k “molekulam svobody” i “zelenoy” revolyutsii [From “Resource Nationalism” to “Molecules of Freedom” and “Green” Revolution] // *Energeticheskaya politika*. 2020. No. 8. Pp. 24–35.

Skidka na rossiyskuyu neft’ Urals snizilas’ primerno vdvoye [The Discount on Russian Urals Oil has Decreased by about a Half] : RIA Novosti. 2022. September 12. URL: <https://ria.ru/20220912/neft-1816338657.html> (accessed: 28.09.2022).

Standarty [Standards] // American Petroleum Institute. URL: <https://www.api.org/products-and-services/ru/standards#:~:text=Институт%20API%20был%20создан%20в,консенсусных%20стандартов%20в%20нефтегазовой%20промышленности> (accessed: 26.09.2022).

Tret’ mirovykh zapasov nefti nakhoditsya pod sanktsiyami SSHA, zayavila ekspert [A Third of the World’s Oil Reserves are under US Sanctions, an Expert Said]: RIA Novosti. 2019. October 29. URL: <https://ria.ru/20191029/1560329773.html> (accessed: 28.09.2022).

Energoperehod poshel ne po planu [The Energy Transition did not Go According to Plan]: Vedomosti. 2021. September 15. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/09/14/886670-energoperehod-planu> (accessed: 07.10.2022).

Yushkov I. V. O roli energeticheskikh resursov v mezhdunarodnykh konfliktakh budushchego [On the Role of Energy Resources in International Conflicts of the Future] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 12. Politicheskiye nauki. 2013. No. 2. Pp. 28–37.

BP Energy Outlook 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf> (accessed: 28.09.2022).

Statistical Review of World Energy 2022. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 26.09.2022).